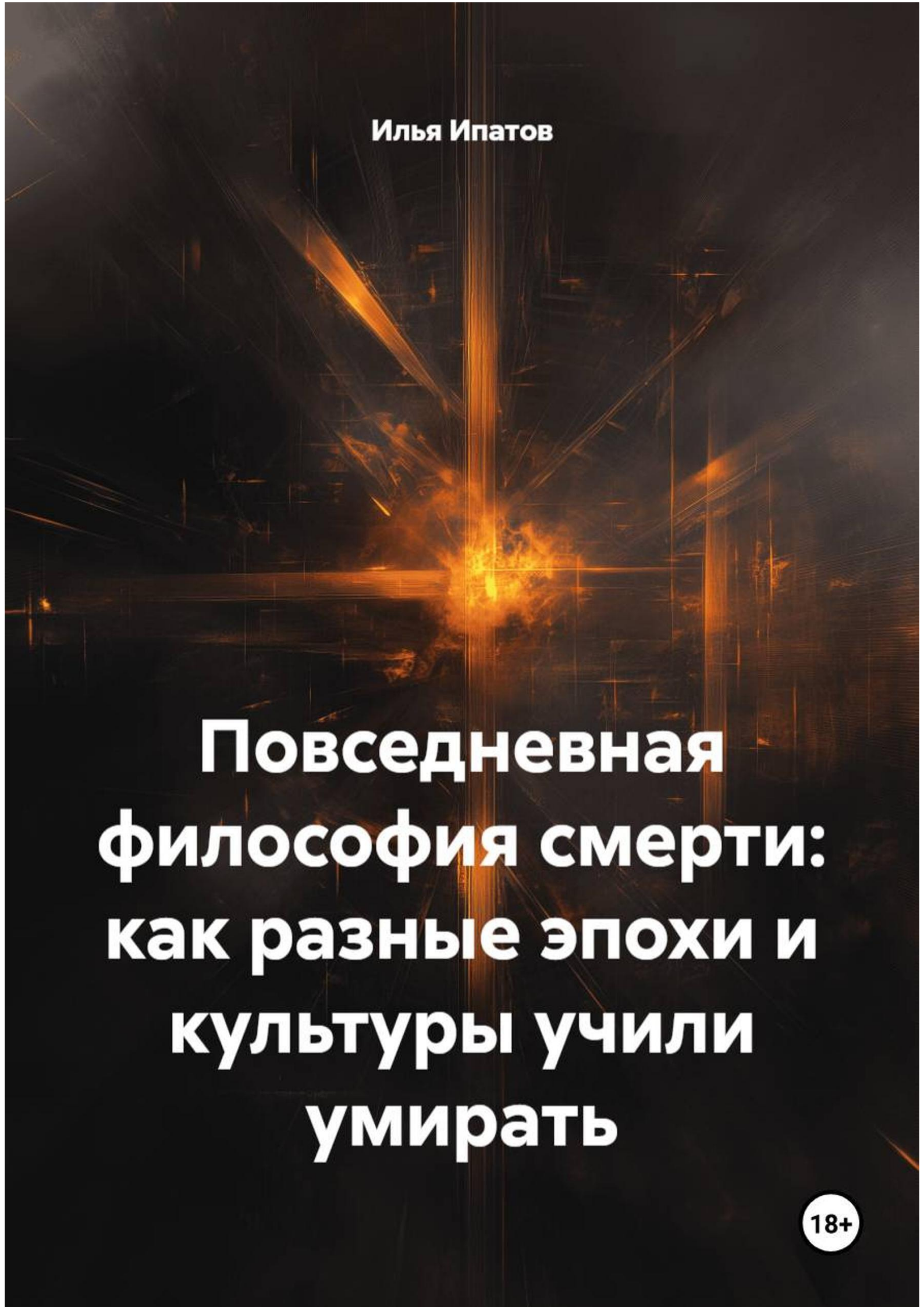

Илья Ипатов

**Повседневная
философия смерти:
как разные эпохи и
культуры учили
умирать**

18+

Устройство мира

Илья Ипатов

**Повседневная философия
смерти: как разные эпохи
и культуры учили умирать**

«Автор»

2026

Ипатов И.

Повседневная философия смерти: как разные эпохи и культуры учили умирать / И. Ипатов — «Автор», 2026 — (Устройство мира)

От неандертальских цветов в пещере Шанидар до крипто-кладбищ и цифровых призраков — эта книга прослеживает, как человечество училось смотреть смерти в лицо. Древний Египет и античные стоики, средневековые «пляски смерти» и *Ars Moriendi*, православные мытарства и исламский барзах, тибетская «Книга мёртвых» и японское бусидо, мексиканский День мёртвых и современные *Death Cafe*. Автор не даёт готовых рецептов и не учит умирать. Он приглашает в антропологическое путешествие по разным эпохам и культурам, чтобы показать: страх смерти универсален, но способы с ним справляться бесконечно разнообразны. Почему мы молчим о главном? Как говорить с близкими о неизбежном? Может ли смерть быть красивой? Эта книга — для тех, кто готов перестать бояться разговора и начать ценить время, которое у нас есть.

Содержание

Введение. Почему мы молчим о смерти?	5
Часть I. Архаика и древность: как смерть родила культуру	7
Глава 1. Палеолит: неандертальцы хоронят своих	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Илья Ипатов

Повседневная философия смерти: как разные эпохи и культуры учили умирать

Введение. Почему мы молчим о смерти?

Однажды на дне рождения общего знакомого я услышал разговор двух женщин. Одна сказала: «Представляешь, у Марины папа усоп». Вторая кивнула: «Царствие небесное. А когда он ушел?» – «Уже третья неделя пошла, как прилег». Ни слова «умер», ни «скончался», ни тем более «мертв». Язык изгибался, чтобы не коснуться прямой формулировки.

В русском языке, по подсчётам лингвистов, больше сотни эвфемизмов для смерти. Мы «отдаем концы», «играем в ящик», «представляемся», «уходим в лучший мир». Только не говорим прямо. Это табу настолько глубокое, что мы часто не замечаем, как ежедневно его воспроизводим. «Умер» звучит почти как неприличие. В газетах пишут «скончался», в некрологах – «ушёл из жизни», в разговоре – «его не стало». Язык создаёт целый архив уловок, чтобы не называть вещи своими именами.

Странное дело. Средневековый человек видел смерть каждый день – чума, войны, высокая детская смертность. Он держал череп на столе, заказывал гравюры с плясками мертвецов, читал трактаты «Как хорошо умереть». Смерть была публичным зрелищем, соседкой, наставницей. А мы, живущие в эпоху рекордной продолжительности жизни и чистых больничных палат, смерти почти не видим. Она спрятана за дверями реанимации, вынесена в специализированные учреждения, обезболена, задрапирована. И именно поэтому мы не умеем о ней говорить.

Парадокс: чем больше медицина отодвигает смерть, тем больше мы её боимся. В XVIII веке средняя продолжительность жизни в Европе составляла 30–40 лет. Смерть была привычной спутницей. Сегодня мы доживаем до 70–80, но каждый разговор о конце вызывает почти паническую тревогу. Мы тратим огромные деньги на антивозрастную косметику, БАДы, фитнес и пластические операции – лишь бы не видеть в зеркале приближение старости. Мы запрещаем детям смотреть на умирающих, прячем пожилых в дома престарелых, а неизлечимо больных – в хосписы. Смерть стала неприличной. О ней не говорят за ужином, не упоминают в присутствии детей, не пишут в социальных сетях (разве что в форме траурного эмодзи).

Но вытесненное возвращается. Возвращается в форме тревожных снов, неврозов, навязчивых страхов. Возвращается в новостях о терактах и катастрофах, где смерть внезапно врывается в благополучную жизнь. Возвращается в сериалах и видеоиграх, где мы переживаем её снова и снова – уже не как реальность, а как аттракцион. Мы не говорим о смерти, но мы одержимы ею.

Эта книга – не инструкция по умиранию и не сборник страшных историй. Это путешествие по разным эпохам и культурам, где люди не боялись (или боялись, но иначе) смотреть смерти в лицо. Древний египтянин, готовившийся к суду Осириса десятилетиями. Японский самурай, для которого харакири было вопросом чести, а не отчаяния. Мексиканская семья, пьющая какао на могиле предка под звуки мариачи. Русский старообрядец, добровольно уходящий в огонь ради спасения души. Тибетский лама, читающий «Книгу мёртвых» над телом, чтобы помочь сознанию переродиться.

Каждая из этих традиций – ответ на один и тот же вопрос: «Что мне делать со знанием, что я умру?» Мы не обязаны принимать ни один из ответов. Но мы можем перестать молчать.

Я, как и многие, подошёл к этой теме не из праздного любопытства. Смерть близкого человека заставила меня почувствовать всю беспомощность нашего молчаливого соглашения – не говорить, не спрашивать, не готовиться. После похорон я понял, что не знаю, как умирают. Не знаю, что чувствует умирающий. Не знаю, что я должен делать, когда рядом кто-то уходит. И, главное, я понял, что никто вокруг меня этого не знает. Мы живём так, будто смерти не существует. А потом она приходит – и мы оказываемся беспомощными.

Эта книга – попытка заполнить этот пробел. Не дать ответы – их не существует. А показать, что вопросы задавали всегда. И что ответы, которые давали люди в разные времена и в разных культурах, могут помочь нам сформулировать свои.

Книга построена так, чтобы её можно было читать выборочно. Четыре части охватывают разные исторические периоды и регионы. Первая часть – «Архаика и древность» – о том, как смерть родила культуру: от неандертальских захоронений до античных философов. Вторая – «Средневековье и Ренессанс» – о том, как смерть стала зрелищем и наставлением: чума, пляски смерти, искусство умирания. Третья – «Новое время и модерн» – о вытеснении смерти за городскую черту, о викторианских посмертных фотографиях, о мировых войнах и интернете. Четвёртая – «Неевропейские практики» – о том, как смотрят на смерть в Тибете, Японии, Мексике и в современных движениях за «хорошую смерть».

Вы можете начать с любой главы. Заглянуть в конец – там есть глоссарий. Если какая-то глава покажется слишком плотной, переходите к следующей. Смерть не торопится, и нам некуда спешить.

Одна просьба перед началом. Не ждите, что после этой книги вы перестанете бояться смерти. Бояться – нормально. Это часть нашего биологического наследия. Но, возможно, вы перестанете бояться разговора о ней. А это первый шаг к тому, чтобы научиться ценить время, которое у нас есть.

И последнее. Эта книга – не замена вере, не руководство по суициду, не философский трактат. Это скорее антропологическая экскурсия. Мы будем смотреть на смерть как на культурный феномен – через ритуалы, тексты, изображения, артефакты. Без осуждения, без восторга, без попытки обратить вас в какую-либо религию. Просто – посмотреть. И подумать.

Часть I. Архаика и древность: как смерть родила культуру

«Смерть – не великое событие. Она приходит вместе с рождением. Мы умираем каждый день. Вопрос не в том, чтобы избежать смерти, а в том, чтобы встретить её осознанно».
Из палийского канона

Глава 1. Палеолит: неандертальцы хоронят своих

Представьте себе пещеру в горах Загроса, на территории современного Ирака. 60 тысяч лет назад. Группа неандертальцев стоит вокруг неглубокой ямы в земляном полу. В яме лежит их сородич – взрослый мужчина. Его тело аккуратно уложено на бок, ноги поджаты к груди, как у спящего. Рядом с ним – горсть цветов. Не съедобных, не лекарственных, а просто красивых: тысячелистник, гиацинт, василек. Пыльца этих растений сохранилась в грунте, и через десятки тысячелетий археолог Ральф Солецки обнаружит её под микроскопом.

Пещера Шанидар. Место, которое перевернуло представление о древнейшем человеке. До этой находки 1960-х годов считалось, что неандертальцы – грубые, полуживотные существа, не способные к абстрактному мышлению. А здесь – цветы в могиле. Ритуал. Символическое действие, не имеющее утилитарного смысла.

С этого момента начнем наш разговор. Потому что именно здесь, в палеолите, археология фиксирует рождение культуры смерти. А значит, и культуры вообще.

Древнейшие свидетельства преднамеренного погребения относятся к среднему палеолиту, около 100–120 тысяч лет назад. До этого гоминиды, скорее всего, просто оставляли умерших там, где они умирали. Возможно, изредка забрасывали камнями или ветками – но это гигиена, а не ритуал. Перелом наступает именно у неандертальцев и ранних *Homo sapiens*.

Почему люди начинают хоронить своих мертвых именно в это время? Антропологи предлагают несколько гипотез. Первая: рост самосознания и способности к абстрактному мышлению. Вторая: усложнение социальных связей – умершего жалко не только как тело, но и как личность. Третья: зарождение веры в загробную жизнь. Скорее всего, работали все три фактора одновременно.

Самое известное неандертальское захоронение – пещера Шанидар в иракском Курдистане. Здесь найдены останки десяти человек. Особенно интересен Шанидар-1: взрослый мужчина с тяжёлыми травмами – деформация левой глазницы, атрофия правой руки, артрит, повреждённые ступни. Несмотря на такие увечья, он прожил долгую жизнь. Его кормили, защищали, заботились. Это одно из первых свидетельств альтруизма у древних людей. Шанидар-3 – также взрослый мужчина, на рёбрах которого обнаружена зажившая рана от острого предмета (скорее всего, копья). Его лечили, рана закрылась, но он всё равно умер молодым.

А Шанидар-4 – тот самый, с цветами. Анализ пыльцы показал, что в могилу были положены ветки и цветы нескольких растений: тысячелистник, василёк, гиацинт, крестовник, алтей. Интересно, что некоторые из этих растений до сих пор используются в народной медицине на Ближнем Востоке. Возможно, цветы имели не только символическое, но и практическое значение – как лекарственные средства для загробной жизни.

Переместимся во Францию. В пещере Ля-Шапель-о-Сен в 1908 году археологи обнаружили почти полный скелет старика с артритом и сросшимися позвонками. Он с трудом передвигался и не мог самостоятельно добывать пищу – его кормили сородичи. Тело было уложено в неглубокую яму на боку, с поджатыми ногами. Рядом лежали каменные орудия и куски мяса – вероятно, пища для загробного путешествия.

Ещё одно французское захоронение, в гроте Ле-Мустье (по которому названа целая археологическая культура – мустье), принадлежит подростку. Тело лежало на правом боку, голова покоилась на руке, сложенной как у спящего. Под головой – каменное рубило. В могиле – кости животных и ещё несколько орудий. Поза сна, скорее всего, символична: человек ушёл в вечный сон.

В пещере Кебара на горе Кармель (Израиль) археологи обнаружили неандертальца, похороненного в неглубокой яме с руками, сложенными на груди. Это сознательная поза, не случайная. Радиоуглеродное датирование помещает его в интервал 61 000–48 000 лет назад. В пещере

Амуд (там же, Израиль) найден скелет неандертальского ребёнка. Череп сильно деформирован – возможно, это результат прижизненной травмы или генетического отклонения. Несмотря на это, ребёнок был похоронен с заботой: его тело аккуратно уложили, рядом положили оленью челюсть, не имеющую практического значения – символический дар.

Особого внимания заслуживает захоронение в гроте Тешик-Таш в отрогах Гиссарского хребта (Узбекистан). В 1938 году советский археолог А.П. Окладников обнаружил здесь останки неандертальского ребёнка 8–9 лет. Вокруг черепа были воткнуты в землю рога горного козла – козерога. Рога образовывали круг диаметром около полуметра. Окладников предположил, что это ограждение или жертвенная конструкция. Рядом лежали каменные орудия. Это самое восточное неандертальское погребение, доказывающее, что неандертальцы жили на территории современного Узбекистана. Рога козерога явно не имели утилитарной функции – их специально принесли и втыкали вокруг тела. Ритуал.

Долгое время неандертальцев изображали полузверями: сутулыми, низколобыми, покрытыми шерстью. Сегодня этот образ полностью пересмотрен. Неандертальцы имели мозг большего объёма, чем современный человек (в среднем 1500–1600 см³ против 1350–1400 у *Homo sapiens*). Они создавали сложные каменные орудия (мустьерская культура), пользовались огнём и строили очаги внутри пещер, охотились на крупных животных – мамонтов, шерстистых носорогов, пещерных медведей. Археологи находят украшения из когтей орлов и раковин, следы использования чёрной и красной краски (марганец и охра) для раскраски тел или предметов. И – хоронили своих мертвецов. Не всех, не всегда, не с одинаковой пышностью. Но хоронили. А это – верный признак культуры, а не просто биологии.

Археологи спорят до сих пор: были ли эти «захоронения» ритуалом или естественными процессами? Скептики утверждали: поза спящего – результат посмертного сокращения мышц, цветы принесены ветром или грызунами, охра попала из почвы. Но контраргументы сильнее. В пещерах с захоронениями не находят «естественных» скоплений костей животных в таких же позах. Животные не умирают эмбрионами, сложив руки на груди. Пыльца цветов в Шанидаре – смесь нескольких видов, что маловероятно для случайного заноса. Охра в израильской пещере Кесем была намеренно измельчена и разложена вокруг скелета, а не просто лежала слоем. Рога в Тешик-Таше воткнуты вертикально, а не лежат хаотично. Сегодня большинство археологов признаёт: неандертальцы *иногда* хоронили своих умерших с элементами ритуала. Не систематически, не у всех племён, не во все времена. Но факт остаётся фактом.

Около 40–45 тысяч лет назад в Европу приходят кроманьонцы – люди современного типа (*Homo sapiens*). Их погребальный обряд становится гораздо богаче и разнообразнее. В скальном убежище Кро-Маньон (Франция), по которому назван тип, в 1868 году нашли останки нескольких человек. В могиле вместе с ними лежали морские раковины, просверленные для подвешивания – украшения. Это уже не просто орудия, а предметы эстетического и, возможно, ритуального назначения. В пещерах Гримальди на Лигурийском побережье Италии обнаружены захоронения подростков. Один скелет, так называемый «Гримальди-юноша», лежал в скорченной позе, густо посыпанный красной охрой. Рядом – кремнёвые ножи, олени рога, морские раковины. Другой скелет, «Гримальди-девушка», – с украшениями из раковин и зубов оленя.

Особенно богаты погребения в Центральной Европе. Около города Пршеров (Моравия, Чехия) раскопано несколько десятков палеолитических захоронений. Одно из них – мужчина с нательным украшением из клыков песка и раковин. Другое – женщина, похороненная вместе с тремя детьми. Вся группа была посыпана охрой. В Дольни-Вестонице (Чехия) нашли тройное захоронение – два мужчины и женщина. Их тела были уложены странным образом: центральный скелет лежал головой к северу, двое других – головами к югу. Тела обильно покрыты охрой. В могилу положили кремнёвые наконечники, каменные ножи, костяные шилья. Неподдалёку от погребения найдена знаменитая «Венера из Дольни-Вестонице» – керамическая ста-

туэтка женщины, древнейшее керамическое изделие в мире (обожжённая глина). Связь между погребением и венерой не доказана, но многие археологи предполагают культовое значение.

Россия – кладовая палеолитических погребений. Здесь найдены одни из самых впечатляющих образцов. Стоянка Сунгирь во Владимирской области (30–28 тысяч лет назад) – это, пожалуй, одно из самых роскошных палеолитических погребений в мире. Раскопки велись с 1957 по 1977 год под руководством О.Н. Бадера. На стоянке найдено несколько погребений. Главное – два подростка, мальчик 12–14 лет и девочка 9–10 лет, похороненные голова к голове в одной могиле. Их тела были густо посыпаны охрой – в могиле обнаружено более 100 килограммов красной краски. Охра была специально принесена откуда-то, измельчена в порошок и высыпана на тела.

Но главное богатство – украшения. На мальчике была «рубеха» из примерно 3–4 тысяч просверленных клыков песца (мелкого полярного зверька). На ногах – штаны из клыков песца (ещё около 2–3 тысяч). На руках – браслеты из бивня мамонта. На шее – подвески из зубов песца и лошади. Общее количество клыков песца в этом погребении – до 10 тысяч штук. Каждый клык был просверлен вручную каменным сверлом. Тысячи часов работы, вложенной в украшения, которые уйдут в землю. В могиле также лежали кремнёвые ножи, наконечники копий из бивня мамонта (одно копьё длиной 2,4 метра), резные жезлы, диски из бивня мамонта с орнаментом, скульптурные изображения лошадей и мамонтов.

Почему детям – такое богатство? Три основные версии. Первая: социальный статус по рождению – они были детьми вождя, наследниками. Уже тогда существовало неравенство, передаваемое по наследству. Вторая: жертвоприношение – их убили специально, чтобы они сопровождали умершего взрослого (рядом есть ещё одна могила, но она разграблена). Кости подростков не имеют следов насилия, но это ничего не доказывает – их могли задушить или отравить. Третья: ритуальные братья и сёстры – возможно, они были избраны для сопровождения умершего вождя ещё при жизни. Как бы то ни было, Сунгирь – это уже не просто «попрощаться с сородичем». Это демонстрация богатства, власти, веры в загробную жизнь, где вещи понадобятся снова. Культура смерти стала сложной машиной социального престижа.

В Костёнковско-Борщёвском районе на Дону (Воронежская область), который называют «палеолитической столицей» России, найдены десятки стоянок и несколько погребений. Наиболее известно погребение старика (Костёнки-2). Он лежал на спине с поджатыми ногами. В могиле – кремнёвый нож, костяные шилья, подвески из клыков песца и раковин. Голова повернута налево, руки вытянуты вдоль туловища. Охра – местами, не так обильно, как в Сунгире. В Костёнках-14 (Маркина Гора) найдено погребение молодого мужчины 20–25 лет. Тело уложено в позу спящего на левом боку, рядом – кремнёвое орудие и кусок охры.

Сибирские палеолитические стоянки Мальта и Буреть на реке Ангаре (Иркутская область) дали исследователям жилища из костей мамонта и оленя, а также несколько погребений. Самое знаменитое – погребение мальчика 3–4 лет в Мальте. Ребёнок был одет в богатую одежду из меха, расшитую подвесками из бивня мамонта. На шее – ожерелье из 120 просверленных зубов песца и мамонта. В могиле – фигурка птицы из бивня, кремнёвый нож, костяная игла. В Бурети найдено погребение новорождённого (или мёртворождённого) ребёнка. В могиле – несколько каменных орудий и украшений. Сибирские захоронения единичны и очень богаты. В то время как в Европе палеолитические могилы встречаются чаще, в Сибири их единицы – но каждая из них исключительно роскошна. Возможно, здесь хоронили только элиту, а простых людей просто выбрасывали.

Красная охра – минеральный пигмент (гематит, оксид железа) – появляется в погребениях начиная с 100 тысяч лет назад. Охра не имеет практического применения в могиле – она не консервирует тело, не отпугивает хищников. Её символическое значение почти во всех культурах одинаково: красный цвет крови, жизни, возрождения. Посыпать умершего охрой – значит дать ему шанс на новую жизнь, вернуть кровь, которой он лишился. В некоторых захо-

ронениях охра не просто насыпана, а сложена в определённые узоры. В пещере Кесем (Израиль) куски охры были намеренно разложены вокруг скелета в виде круга. В Дольни-Вестонице охра покрывала только определённые части тела – череп, грудь, таз.

Череп животных (чаще всего медведей) в неандертальских пещерах – ещё одна загадка. В пещере Драхенлох (Швейцария) найдены черепки пещерных медведей, аккуратно сложенные в каменные ящики. В пещере Регурду (Франция) – медвежий череп на каменном постаменте. Что это? Культ медведя? Жертва духам? Или просто «охота на трофеи»? Археологи склоняются к культовой версии: медведь был тотемным животным, и его черепам поклонялись.

Чтобы понять возможные верования палеолитических людей, антропологи обращаются к современным охотникам-собираателям – австралийским аборигенам, бушменам, пигмеям, индейцам Амазонии. Их погребальные обряды могут дать ключ к прошлому. Например, австралийские аборигены верят, что после смерти душа отправляется в «страну сновидений», где живёт среди предков. Тело могут кремировать, мумифицировать или оставить на деревянной платформе. Некоторые племена делают из черепа умершего чашу, которую используют в ритуалах. Другие – носят кости умершего с собой несколько лет, пока плоть не истлеет, а затем хоронят их в священном месте.

У папуасов Новой Гвинеи существует обычай вторичного захоронения: тело сначала оставляют гнить на деревянном помосте, затем кости собирают, окрашивают охрой и хранят в специальных корзинах. Охра здесь символизирует жизнь. Палеолитические захоронения с охрой и последующим перемещением костей (в Сунгире, например, некоторые кости были выкопаны и перезахоронены) очень похожи на эти этнографические примеры. Можно предположить, что у палеолитических людей существовали сложные представления о душе, которая отделяется от тела, но нуждается в заботе.

У современных бушменов Калахари сохранился обычай: после смерти человека его тело сворачивают в позу эмбриона (как в древнейших захоронениях) и хоронят в неглубокой могиле. Считается, что умерший должен «переродиться» в ином мире. Над могилой не оставляют камней, чтобы не мешать душе выйти. Родственники разбирают жилище умершего и уходят с этого места – чтобы не тревожить его дух. Эти параллели показывают: поза эмбриона, охра, символические дары – не случайные детали, а устойчивые элементы ритуала, которые могут сохраняться десятки тысяч лет.

Человек палеолита не оставил письменных текстов. Мы не знаем, что именно он думал о смерти. Но по косвенным признакам можем восстановить контуры. Поза эмбриона (скорченная) – возможно, желание родиться заново в ином мире, вернуться в материнское чрево. Охра – символическая кровь, дающая новую жизнь. Инвентарь – орудия, украшения, оружие – всё это нужно «там», в загробной жизни. Ориентация по сторонам света – связь с космосом, солнцем, луной (в некоторых захоронениях голова ориентирована на восток, где восходит солнце). Жертвенная пища – куски мяса, кости животных – чтобы умерший не голодал.

Всё это вместе говорит о вере в продолжение существования после смерти. Не в бессмертие души в нашем понимании – скорее в «тень», «двойника», который уходит в особую страну, где охотится, ест, носит украшения. Поэтому ему нужны вещи.

Сегодня спор между «культурной» и «антикультурной» партиями постепенно утихает. Найдены новые данные. В пещере Бруникель (Франция) неандертальцы соорудили кольца из сталагмитов глубиной 300 метров под землёй. Без факелов идти туда бессмысленно, значит, у них был искусственный свет (костры, факелы). А если они ходили в глубину пещер, значит, придавали этому символическое значение. Кольца из сталагмитов – возможно, первые святилища. Найдены неандертальские украшения – когти орла с насечками (Хорватия, Франция), просверленные раковины (Испания). Украшения не имеют утилитарной функции – это чисто символические объекты. Обнаружены следы использования красной охры на неандертальских стоянках задолго до прихода кроманьонцев. Охра – это не только погребальная краска, но и,

возможно, краска для раскраски тела. Итог: неандертальцы не были «почти людьми». Они уже были людьми. В том числе и в том, как они обращались со своими мёртвыми.

То, что мы видим в палеолитических погребениях – это зародыш всех будущих танатологических систем. Идея, что смерть – не конец, а переход. Что умершему нужно помогать вещами, ритуалами, заботой. Что некоторые люди заслуживают лучшего обращения после смерти, чем другие. Отсюда рукой подать до египетских пирамид, до «Тибетской книги мёртвых», до христианского отпевания. Все эти сложные системы выросли из простого жеста: положить рядом с телом цветок. Или горсть охры. Или согнуть руки на груди.

Но есть и важное отличие. В палеолите мы не видим массовых жертвоприношений, сложных храмов, письменных заупокойных текстов. Всё это появится позже, с переходом к земледелию и цивилизации. Палеолит – это детство человечества. Детство, в котором смерть уже стала культурным событием, но ещё не обросла тысячелетними наслоениями догм и ритуалов.

Задержимся на мгновение у сунгирской могилы. Двое детей лежат голова к голове. Десять тысяч просверленных клыков. Копьё из бивня мамонта. Тысячи часов работы, вложенной в украшения, которые никто не увидит – они навсегда в земле. Для чего? Не для похв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.